

18+

БАЕВА Н. А.

Мой Александр Сергеевич

ДНЕВНИК МАМЫ ИЗ ПРОШЛОГО
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Наталья Баева
Мой Александр
Сергеевич. Дневник мамы
из прошлого тысячелетия

<https://litres.ru/32491585>

ISBN 9785449073143

Аннотация

Вечные загадки — Космос, Океан и Мозг человека. Причём самая загадочная — Мозг.

Существо, которое рождается зверушкой, превращается в личность за считанные годы.

Мы не видим в этом чуда лишь потому, что нам всегда... некогда. Некогда вглядываться в собственных детей!

А взглядишься — и окажется, что нет ничего интереснее...

Рисунки автора.

Содержание

Предисловие, написанное много лет спустя	5
Санюшка — зверушка	18
Человечек разумный	31
В детском саду	76
Путешествие в рай	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Мой Александр Сергеевич Дневник мамы из прошлого тысячелетия

Наталья Анатольевна Баева

© Наталья Анатольевна Баева, 2026

ISBN 978-5-4490-7314-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие, написанное много лет спустя

«Самое интересное в жизни — это собственный ребёнок»...

Это правда, но... Если бы мне такое сказали до появления этого самого ребёнка — от души бы посмеялась.

Как же это — запереть себя в детскую, обречь на скитания по детским поликлиникам и молочным кухням, когда мир так огромен, так многообразен, так бесконечно интересен!

Мне повезло родиться в Воркуте, куда родители поехали за романтикой. Потом — прожила несколько лет в Томске, у дедушки — бабушки.

Каждое лето — поездки то в один, то в другой конец страны. По многочисленной родне, разбросанной от Урала, до Байкала. Подросла — стали колесить по тур. путёвкам вместе с мамой, невероятно жадной до жизни. Так вот, кто не видел тундры, Полярного Урала, тайги, Карпат, Карелии, Эльбруса, Азова, Крыма — тот поистине не видел красоты мира.

Зимой, конечно, сильно отравляла существование школа. Но даже в школе была душе отрада — библиотека. И нередко передо мной на парте, вместо учебника, оказывалась интереснейшая книга, не дочитанная ночью. Вернейшие дру-

зья — Дюма, Сабатини, Волков, Стивенсон, Скотт, Бруштейн... И неодобряемый учителями Крапивин, и ещё сотни две авторов из «Библиотеки всемирной литературы». Мама аккуратно выкупала по подписке эти томики в матерчатых обложках.

И ещё был Дворец Пионеров — наш центр Вселенной, подарок, сделанный всем детям Воркуты к 50-летию Советской власти. Громадное здание из трёх сросшихся корпусов.

Бассейн с вышками, спортшкола, театр, несколько музыкальных и танцевальных коллективов... Картингисты, филателисты, аквариумисты, моделисты... Невозможно обойти все восемьдесят кружков, но отчётные выступления и выставки, соревнования и парады — это уж обязательно. Одна только Школа Юных моряков чего стоила!

Чем — то заниматься, помимо школы, мы были обязаны, но не припомню, чтобы эта обязанность кого —нибудь тяготила. Было, из чего выбирать!

К десяти годам мы непременно должны были научиться плавать и нырять с вышки — с пяти метров, к двенадцати — ходить на лыжах километров по десять, к пятнадцати — стрелять из винтовки... А турпоходы в пионерских лагерях — это уж само собой. Они усложнялись год от года.

Смешно теперь слышать обвинения в адрес пионерии — она-де растила солдат. Попробуйте найти бывшего пионера, для которого все эти походы — заплывы — стрельбы — ко-

стры — не лучшие воспоминания детства!

Сменив с десяток увлечений (музыкальная школа, бас-сейн, фехтование, КИД, ТЮЗ, литературное объединение), я остановилась на художественной школе. Это — целый мир, в который можно погрузиться надолго.

И вот — Ленинград. Приехала на каникулы — и поняла, что это — Город-которого-хватит-на-всю-жизнь. Только здесь хочу учиться, только здесь буду жить!

Это было очень непросто — конкурс в Университет — где девять, а где и одиннадцать человек на место. Нам, иногородним, старались больше «четвёрки» не ставить. «Недотянули» полбалла до дневного — к вашим услугам вечернее отделение — и стройка, больница или фабрика. Ленинграду нужна рабсила.

При оформлении на ткацкую фабрику — неизбежный медосмотр. «Вы знаете, что резус у вас отрицательный?» — спросил меня врач.

— Нет... А что это значит?

— Это значит, что у вас не должно быть больше двух детей. Третий здоровым уже не будет. Если вообще родится живым...

Кажется, я захлопала глазами от такой неожиданности. И

уточнила:

— А аборт считается?

Врач — я увидела — едва не рассмеялся. Но постарался ответить серьёзно:

— Считаются.

Самая своевременная информация, полученная мною в жизни. В семнадцать лет я поняла раз и навсегда, что ребёнок у меня может быть только законный — желанный — долгожданный. Случайности исключены.

Три года работы на ткацкой фабрике, жизни в рабочем общении, научили меня не только работать, не только зарабатывать и считать денежки, не только распоряжаться драгоценным временем, но и гораздо более важным вещам — сосуществовать с людьми, случайными в твоей жизни. Неинтересными, зачастую примитивными. Помнить, что они — явление временное, никого не раздражать, не создавать конфликтов, а если получится — то и порадовать их чем —нибудь. Стихами ко дню рождения, например. Людям приятно — и мне не убыточно.

И ведь были же три часа в сутки настоящей жизни: Университет! Философский факультет!

Чем мы там занимались — кратко не рассказать, но интереснее этой «бездны премудрости» человечество точно ещё ничего не придумало. Окончательно счастливой я себя по-

чувствовала, когда перебралась на дневное отделение — и ушла в эти науки с головой. На целых два года.

В порядке практики мы обошли все церкви и секты — писали дипломы на основании увиденного, услышанного и понятого.

Но ведь образование — это то, что остаётся, когда всё выученное забыто? Так основной навык, полученный нами — это умение складно говорить. Часами. На любую тему. И не «гонять порожняк», а действительно, быстро прочитывать, перерабатывать и выдавать любое количество информации. Очень ценно для преподавателя, лектора, экскурсовода...

Как раз к этому времени семья получила долгожданную кооперативную квартиру в Гатчине — от Ленинграда час электричкой.

Приехала мама с моим младшим братом Олегом и одиннадцатью чемоданами, огляделась — и решила, что попала в сказку. Дом посреди цветущего луга, справа — слева лес, город не виден из-за громадного парка. В парке — загородный царский дворец (вот и место работы для меня), живописные озёра, вековые дубы, грибы-ягоды... А вокруг Гатчины — колхозы-совхозы. Растёт всё.

Мамина мама, моя баба Зоя, решила жить с нами. Поменяла свою квартиру в Томске на ленинградскую, но в Гатчине ей уютнее. Я словно вернулась в детство — в таком окру-

жении «и жизнь хороша, и жить хорошо».

Все последующие годы работала и преподавателем, и лектором, и экскурсоводом.

А за бесплатно, для души — торчала в Клубе самодеятельной песни. Гитару, увы, так и не освоила, голоса никакого, но уж очень любила слушать других. Вот и прижилась там в качестве конферансье. Словом, «дозрела» до замужества лишь к тридцати годам.

Когда — то, очень давно, мама меня спросила:
— Тебе какого мужа-то хочется? Ленинградца — это понятно. Но всё же какого?

Я тогда отшутилась:

— Чтобы в папы годился — главой семьи быть не хочется!
И вообще, чтоб не дурак, не урод — и на год.

И накаркала...

Сергей старше меня одиннадцатью годами, и не просто «не дурак и не урод», а умница и красавец. Инженер, и когда он показывает мне, где и над чем работает, глаза у меня выскакивают не то, что на лоб — на затылок! Техника — область, мне совершенно незнакомая, и тот, кто с ней на «ты», представляется мне сверхчеловеком... А если это ещё и заядлый рыбак, и грибник? И на гитаре играет! Недостаток профессионализма восполняет увлечённостью — а я пытаюсь подпевать. Смешная гармония — но гармония.

Первую, едва заметную трещинку я не захотела заметить. Сергей пришёл к нам — представляться в качестве жениха, и, увидев целую стену книг, сказал:
— Ну, это всё надо продать.

Да, семья у моего жениха сверхпрактичная — и это, скорее, достоинство.

Родители, Фёдор Андреевич и Юлия Михайловна, приехали в Ленинград пятнадцатилетними — по оргнабору, с Волги — и с тех пор не расставались, похоже, ни на день. Всю жизнь проработали на «Электросиле».

Жилищную проблему решили героически — получили участок в Стрельне, под Ленинградом — и сами построили дом в полтора этажа.

Внешне — идиллия. Благолепие, какого в наше время не увидишь и в кино.

Симпатичный домик рядом с лесом, ухоженный снаружи и внутри, вокруг, на шести сотках — сад-огород с идеально ровными грядками, яблони, теплички... Соленья — варенья на столе такие, что украсили бы любую выставку!

Оказывается, Ленинград бывает и таким — село в черте города.

В этом идиллическом домике мы и сыграли свою скромную свадьбу.

Тамадой и вообще организатором выступила Лина — сестра Юлии Михайловны, личность весёлая, и, с точки зрения семьи, весьма легкомысленная. «Как вышла на пенсию — так с тех пор всё поёт и пляшет в клубах для офицеров!» Но поёт и пляшет мастерски.

Чудеса начались на второй день после свадьбы — и, в силу своей ежедневности, превратились в обыденность.

— Ты почему вчера была на каблуках? Чтобы мужа унижить?! Ты же получилась выше!

— Ты как смеешь его получку пересчитывать? Когда он эти деньги зарабатывал, ты ещё его женой не была! Какой ещё семейный бюджет? Зарабатывать себе будешь сама!

— Да, да, — кивает Серёжа. — Каждый должен сам себе...

— И где твоё приданое? Деньги? Да какие это деньги, пусть твоя мать квартиру разменяет, а то больно широко живёт!

И образование у меня, оказывается, никчёмное, раз не разбогатела, и работа языком — это безделье. Работа — это только производство.

91 — 92 год! Какое, к чёрту, производство, какие зарплаты — страна рушилась. Но об этом и думать не полагалось. Газеты и телевизор — это тоже безделье.

— Почему не встаёшь раньше мужа?

— Так он же встаёт в пять...

— Значит, жена должна в четыре!

Попробовала. Сварила завтрак. Свекровка — в слёзы...

— Не хозяйка ты, не хозяйка! А если ты — хозяйка, зачем же тогда я?!

Не дай же бог и мне когда-нибудь так рехнуться...

Вся душа, вся любовь вложена в единственного сына — да так, что другим ничего не осталось. И сына это, совершенно очевидно, не радует. Иногда брыкается, как подросток. Прекрасно, однако, сознавая, что без маминой заботы жизнь легче бы не стала.

Что правда, то правда — до такого трудового энтузиазма мне, как до Луны — Юлия Михайловна спит по четыре часа в сутки. Я устроилась на две работы — библиотекарем и ночным сторожем — и всё равно остаюсь лентяйкой и неряхой. К кухонным разборкам прибавились разборки по телефону.

— Ну уж извините, какая есть, — «оправдывается» моя мама, — другой дочери у меня нет...

— И слава богу!

На общей кухне теперь готовятся два обеда — «семья должна питаться отдельно»!

Мы пообедали, я вымыла тарелки (конечно же, неправильно), и исчезаю. Муж из — за стола не спешит — теперь мама ставит перед ним свои блюда:

— Ешь, ешь, а то с этой женой с голоду помрёшь!

Всякому терпению, видно, есть предел, даже моему:

— Когда помрёшь, напишу на памятнике: «Здесь лежит взрослый, здоровый мужчина, который помер с голоду возле полного холодильника!»

Немая сцена.

Окончательное доказательство моего слабоумия — съездила на митинг, помахала там красным флагом. Оказывается, иметь гражданскую позицию — глупо, а высказывать её — самоубийственно. То-то, смотрю, Серёжа всё не определится, за белых он, или за красных...

Снохе, попавшей в мир «диких ндравов», конечно же, надо помнить поговорку про чужой монастырь. Это я ни на минуту не забываю и, пока отдельное жильё не светит, пытаюсь приспособиться. Изучаю огородную литературу, и готовлюсь к посевной. Покупаю семена каких — то экзотов. Опять не слава богу:

— И где ты это собираешься сеять? У тебя здесь нет ни одного квадратного метра!

Сроду не интересовалась огородом, но тут — захотелось иметь свои не метры, а сотки. Размечталась о собственной дачке. Никогда не забуду, как пришлось оправдываться за сорванный в огороде огурец:

— Не сама сорвала, свёкор подарил!

А за срезанные стрелки чеснока и оправдаться не смогла

— нечем...

Оставалось только любоваться пучками редиски, похожими на букеты. Свекровка поднималась ещё в сумерках, набирала — намывала редиску, вязала красивыми пучочками в огромном количестве — и на рынок, на рынок...

Едва ли не первый симптом беременности у меня оказался таким, о каком я не слыхала никогда и ни от кого: меня перестал задевать весь этот «выступёж». Бесконечные драматические монологи свекровки, изредка подкрепляемые мудрыми изречениями мужа — едва слышала, и реагировать на них мне больше не хотелось. Вообще никак.

Это — плен. Заключение. Даже если делишь его с хорошим человеком. Даже если для него эта тюрьма — норма. И побег — право и святая обязанность любого заключённого. Впервые закралась мысль, что бежать можно и одной...

Пришло ещё не понимание, но уже ощущение того, что и эти люди в моей жизни — временные. И свёкор, трудяга со взглядом святого, который не согласен со всем происходящим — но не согласен молчаливо. Неделями не произносит ни слова! Потому, конечно, что ему и дальше жить с женой, а не со мной. И муж, возможно, тоже.

Всё ещё надеялась на отдельное жильё в перспективе, но

первую жену Сергея, Иру, уже понимала. Она промелькнула в жизни этой семьи эпизодом. Выдержала полгода — и ушла беременной.

Ребёнок, которого я себе ещё никак не представляла, становился главным увлечением в жизни.

Книжка Никитиных «Детство без болезней» попала мне в руки как нельзя более вовремя — и была зачитана до рассыпания листков. Интереснее любого романа.

Инстинктивно — интуитивно я не меняла образа жизни: работа, беготня, сауна и периодическое завязывание йоговскими узлами. Питалась почти исключительно кефиром и зеленью — лето стояло жаркое, и ничего другого просто не хотелось.

Почему — то я была уверенна, что «он» будет девочкой, заранее этому радовалась, и в то же время не очень верила, что можно полюбить «мяч в животе». Сначала — мячик, вроде теннисного, а потом — футбольный. Да какой буйный...

Глядя, как его неожиданные прыжки чуть не сваливают меня с ног, мама смеялась:

— Ну нет, приличная девочка из приличной семьи так себя не ведёт! Точно, парень!

Молоденькая «врачиха», к которой я пришла становиться на учёт, посмотрела на мою дату рождения, и предрекла,

что я помру от старости, не дожив до родов. Если, конечно, не буду выполнять все её предписания. И настрочила кучу рецептов. Я поблагодарила за заботу, вышла за дверь — и сунула всю кипу бумаг в мусорное ведро. Мнительной, слава богу, никогда не была.

«Он» слышит! Если начинает буянить, его можно унять стихами!

Самые длинные стихи, которые я знаю, это «Конёк — горбунок». Начинаю читать — «он» прекращает пляску. Слушает?!

Ну можно ли на фоне таких впечатлений обращать внимание на вечный зуд?

— Как-то это вы с ребёнком поспешили... И не вздумай купить кроватку — здесь его быть не должно!

А другая бабушка, дядюшка и прабабушка его ждут, не дождутся.

Санюшка — зверушка

17 сентября 1992 года. Первый отзыв о моём сынишке от врача:

— Парень — придраться не к чему!

Да и показатели безупречны. Вес — 3,300, рост — 53 сантиметра, грудь — 34, оценка по АПГАР — 9. Почему не все 10? Слегка не доношен, весь в белой шёрстке. К месяцу, говорят, шёрстка исчезнет.

Ровно три волоска на голове, и все чёрные, три ресничины, и все длинные, голубые глаза, широкие белые брови, огромная пухлая верхняя губища, а ножки — по 5 сантиметров. Сама меряла.

С таким человеком можно не церемониться — и я сразу же отменила для него чепчик и тугое пеленание. И кормить стала голеньким, и класть на живот. Вот тут — то Алексашка и преподнёс первый сюрприз: весь напрягся, задрожал — и приподнял голову! В первые же сутки! Моя тактика приносила скорые и ощутимые плоды.

На шестой день, уже дома (в Гатчине, конечно), я решилась, дрожа от страха, «запустить его механизм сопротивляемости болезням» — выкупать в холодной воде. 9 градусов. Налила в ванночку — и трижды окунула туда дитё. С головой. Кричал, бедняга, густым басом, еле успокоился в тёплой водичке.

В тот же день, 22 сентября, впервые остановил свои плавающие глаза — на красной авторучке. Я тут же подвесила ему красный шарик — погремушку на козырёк коляски. Нет, шарик его пока не интересует, если и реагирует, то только на звук. А следить за движущимся предметом — морковкой в

моей руке, стал только в 1 месяц — 17 октября.

Днём Саня обычно лежит на диване в ползунках, а чтобы не заскучал, подвешиваем над ним погремушку — гирлянду. Разглядывать. Вдруг слышу из соседней комнаты — гирлянда гремит! Прибегаю, смотрю — Санька её пинает — делает ногами «велосипед». Да ещё издаёт какие — то довольные звуки! Это было 7 ноября — неполные два месяца.

К двум месяцам уже хорошо держал голову и гулил отчётливо. А вот с обучением плаванию ничего не получилось — не по нашей вине. В 1 месяц и 10 дней Саня научился отталкиваться ногами от края ванны, в неполные три месяца — уже целенаправленно двигал ногами, сидел в воде, и даже ел, а потом счастье кончилось, горячую воду у нас стали периодически отключать, пришлось вместо большой ванны опять довольствоваться детской.

Тогда же, в два с половиной месяца, Саня попытался ползать — потянулся за ярким мячиком, и прополз по дивану примерно 30 сантиметров. Это оказалось так трудно, что взять мячик уже не хватило силёнок.

На следующий день, 30 декабря, встал, держась за мои пальцы. Взгляд, как будто, ещё ничего не выражает, но — нравится. Очень уж довольно урчит. Оказывается, так ему можно поднять настроение, если захнычет. Дашь два пальца — уцепится, сядет, а то и встанет — и успокоится.

В три с половиной месяца пошёл — переступает по дивану, вцепившись в мои пальцы. Тогда же и уверенно пополз — от одного края дивана до другого.

Забавно вслушиваться в его лепет: «О, хось-по-ди...» Верующий, что ли?

Нам повезло. Сказочно. Мой отчим, Артур Осипович, остался в Воркуте ещё на несколько лет — зарабатывать максимальную пенсию и прочие северные блага. В квартире, которой они владеют пополам с бабой Зоей, сейчас один Олег — и он готов перебраться в Гатчину. Живи, молодая семья. Узнав об этом, Серёжа... испугался. А его матушка — ещё больше:

— Там же такой ремонт нужен... И вообще...

И больше о свободной квартире не вспоминали. И мне напоминать не хотелось — отец моего ребёнка свой выбор сделал.

К устным и телефонным всплескам свекрови прибавились эпистолярные. Письмо за письмом. «Ты у нас лето жила, как на даче, а за дачу люди деньги платят»!

Ответила: «У вас осталось моё обручальное кольцо — возьмите в уплату за дачу». Взяла.

На свой первый Новый год Саня был наряжен Гномушкой: красный колпачок с колокольчиком, красный платок на шее,

красные сапожки — перчики.

Пушистую ёлочку с игрушками рассматривал так внимательно, что её пожалели выбрасывать. Стояла полтора месяца, и дала зелёные побеги. А было Санюшке три с половиной месяца.

Решена маленькая прозаическая проблема — прислушиваясь, приглядываясь, я поняла, что «кхе-кхе» — это просьба. Насчёт высадить. Очень уж мокрые ползунки неприятны...

Трудно точно сказать, в какой день взгляд стал смышлёным, но к четырём месяцам Саня смотрел уже не просто осмысленно — жадно! В его коляске укреплён турничок. К перекладине привязано вяленое яблочко — приманка. Саня подтягивается, садится, с удовольствием грызёт, то есть мусолит яблочко.

В *4 месяца и 2 дня* повис на моих пальцах. Полный восторг! Стал делать это по многу раз в день, смеясь и раскачиваясь.

Садится сам, и всё увереннее. То держась за борта коляски, то цепляясь за сеточку манежа. В 6 с половиной месяцев догадался садиться, из положения на четвереньках.

И тут же новое открытие — на четвереньках можно ползать быстрее, чем на пузе!

Проблема... У меня кончилось молоко. Цены на детское питание просто заоблачны — «свободные — отпущенные». Кое — где ещё сохраняются государственные, но не в Гатчи-

не. Здесь — по 70 рублей за баночку, а у меня всего дохода — 600.

Пришлось ехать на Невский. В центральном магазине нахожу баночки по 7 рублей. Протягиваю рецепт из поликлиники: «Будьте добры»...

— Что-о-о?! Область понаехала? У нас тут городским не хватает!

— Где ваш директор?

— Там! Но она скажет то же самое!

Директор, действительно, сказала то же самое. Выхожу из кабинета, и успеваю сообразить, что продавец — то этого не слышала! Протягиваю рецепт снова:

— Директор разрешила. Будьте любезны.

Надо было видеть, как яростно она покидала мне через прилавок эти семь банок — месячную норму! Я торопливо засовываю их в рюкзак — и тут открывается дверь директорского кабинета...

Ох и рванула я к выходу! Бежала до самого метро.

ЭТО — после десятилетий полного благополучия, и без войны.

Лопочет:

— Гое, гое... Ох, гое, гое...

— Какое же у тебя, Санечка, горе?

— Кой-какое-гое-гое, кой-какое гое-гое...

Интересно, «гое» для него, или нет, наш с его папой развод? Для меня это было замечательной неожиданностью — папа сам проявил инициативу. Принёс бланки из ЗАГСа:

— Вот. Давай, разведёмся — и никто никому ничего не должен.

Неприлично мне было радоваться — но скрыть не смогла. Судья ничего не понимала, всё допытывалась до причины, просила «не спешить», «подумать». Сергей своим красивым, прекрасно поставленным голосом объяснял что — то о безнадежном несходстве характеров, а я из-за его спины жестикулировала, выразительно гримасничая. Судья поняла мою мимику правильно:

— Что, Наталья Анатольевна? Не расспрашивать, а просто развести? На алименты подадите?

— Да...

Это было первого апреля — в первый тёплый день весны.

Письма, письма, письма. «Ты родила никому не нужного ребёнка, чтобы прожить за счёт моего дурака»... Одно и то же в бесчисленных вариациях.

Складываю в папку. Соберётся жениться Санька — пусть поучится на чужих ошибках.

Будь я в этой истории не действующим лицом, а наблюдателем — я бы пожалела его папу...

7.5 месяцев. Саньке поставили «манеж» — каркас от раскладушки. Без устали встаёт и садится, держась за бортик. Попробовала командовать: «Сели — встали»! Понял! В ожидании очередной команды оглядывается и приплясывает от нетерпения.

Купила Саньке музыкальную матрёшку-неваляшку. Показываю — а он как задрожит! Буквально затрясся — перепугался звящего чудища с себя ростом.

Впрочем, уже дня через два с восторгом гонял её по комнате.

В 8 месяцев появился первый зуб — и Саня сразу же начал грызть печенье. Не ждёт, пока дадут, а обнаружил коробку с печеньем под диваном — и таскает оттуда.

Первое слово — «баба». Ну а раз первое слово произнесено, здесь кончается история Санюшки-зверюшки, и начинается история Александра Сергеевича, человечка разумного.

Добавлю к предыстории то, что на девятом месяце Саню

охватила неудержимая охота к перемене мест — он буквально забегал на четвереньках, хватая всё на своём пути и вставая везде, где хоть за что-нибудь можно уцепиться. Уцепился как-то за ручку холодильника — и пытается открыть. Бабушка нахмурилась:

— Не хапай, не хапай своей гавённой лапой!

Аж зашёлся от смеха:

— Ха-ха-хап! Хап-хап!

Похоже, с юмором всё в порядке.

Лишнюю, по его мнению, одежду если мог снять-снимал, а лишними не считал только трусы на лямках. И не возражал против выставления голеньким на заснеженный балкон (радостно топал по снегу, оставляя «марсианские» следочки), ни против обливания холодной водой. Обольёшь — а он только охнет и глаза выкатит, словно каждый раз удивляется — зачем это? А уж обуть Саню совершенно невозможно. Тут же сбрасывает всё.

Человечек разумный

июнь 93 г. 9 месяцев.

— Тю-тю! Тю-тю!

Саня кричит это, накрыв голову платком. «Спрятался». Счастлив, если его ищут где-нибудь в другом конце комнаты.

июль 93 г. 10 месяцев.

— Ма-а-ма... «Мама», значит...

август 93 г. 11 месяцев.

Встаёт, приседает, даже приплясывает на месте, но ещё не ходит. Падая, приговаривает: «Буха, буха»...

сентябрь 93 г. 1 год.

Получил на годовщину «Сказки» Пушкина.

На внутреннюю страницу обложки я наклеила открыточку со смешным розовым поросёнком и написала:

«Книжку я дарю сынишке,
Ненаглядному Санюшке,
Что родился в год Мартышки,
А похож на эту хрюшку!»

Думала-сама себя развлекаю, а для сына этот подарок сильно «на вырост». Как бы не так!

Схватил двумя руками, сел в кресло, заправил в рот соску и углубился в изучение больших ярких картинок. Тычет пальцем в Кота учёного и волка: «Ки... Ав-ав...»

28 сентября, 1 год и 10 дней.

Первый шаг! Тут же, с остановками и кряхтением, прошёл через всю комнату.

Нас выручает близость полей и леса — всё в пешей досягаемости. Иду в сапогах и с тележкой, встречаю соседа:

— Куда? За картошкой?! Подожди пять минут, я тоже за тележкой сбегаю!

Пришли на только что перепаханное поле, да там и расте- рялись, я об этом эпизоде и забыла. Натаскала картошки, но её ведь на одежду не обменяешь, а годовалое чадо одевать надо... И вдруг — звонок в дверь. На пороге тот самый сосед:

— Как я тебе благодарен — до весны запасаю картошкой! Вот... — и протягивает мне туго набитый мешок.

— Это нам в финское общество гуманитарку привезли. Взрослые вещи все разобрали, а детские — вот, твоему! Прелестного финского гардеробчика хватит надолго!

ноябрь 93 г. 1 год 2 месяца.

Полюбил облаивать собак на улице. И моську, и дога встречает всё тем же возгласом:

— Ав-ав!

Подарила я ему обаятельного плюшевого котика с выразительной резиновой мордашкой. Пощупал, пальцем в глаза потыкал и улыбнулся:

— Ки!

Этот «Ки» попал в милость сразу и навсегда — отныне Саня спал только с ним в обнимку.

декабрь 93 г. 1 год 3 месяца

Потеряли винтик от будильника. Через месяц Саня нашёл его в какой — то щели. Ходил-ходил с ним по квартире, нашёл будильник и воткнул винт в дырочку.

март 94 г. 1 год 6 месяцев.

Баба Света ушла гулять с Санькой — а вернулась одна.

На мой немой вопрос отвечает: «Твой сын своим ходом добирается!»

В самом деле, Александр, пыхтя и кряхтя, забрался уже на третий этаж. Помогать не стали — так сам домой и добрался.

май 94 г. 1 год 8 месяцев.

Санька вдруг заметил, что фрукты ест он один. Стал всем вокруг совать дольки: «На... Ам-ам...»

Июнь 94 г. 1 год 9 месяцев.

Гуляем в роскошном, полудиком Гатчинском парке.

Навстречу — молодой папа с крошечной дочкой.

— Саня, гляди, барышня! Подари ей цветочек!

Сорвал клевер, подошёл, осторожно протянул. Малышка взяла. И тут на Саню напало вдохновение: закружил по лужайке, срывая всё подряд. Забросал растерянную «барышню» целым стогом сена!

В гостях увидел собаку-рейзеншнауцера. Спрашиваю: «Кто это?»

— Конь...

Лезет по лесенке на детской площадке. Спрашивает меня: «Буха будя?»

— Будет, Саня, будет.

— Эх...

Лезет дальше.

Рассматривает журнальную репродукцию. «Мадонна Литта».

— Это кто? — спрашивает бабушка.

— Мама.

— А это?

— Саня.

«Кама» — это камешек. А огромный валун возле дома Саня называет с почтительным придыханием:

— Ка-а-а-ма!

Любимое место — озеро в парке.

— Там купа, там ыба, там маля!

То есть купание, рыбы и дети. Давно усвоил, что он — Саня, а все остальные дети у него «маля».

июль 94г. 1 год 10 месяцев.

— Саня, кого ты любишь?

— Бабу Сетю.

— А ещё?

— Папу.

— А ещё?

— Кисю.

— А меня?

— Нет!

Я «обиделась». Подумал, подошёл:

— Любу маму, люблю...

Бежит за мной и кричит:

— Кака-бака, кака-бака!

Снимаю штанишки — чистые.

— Где же кака-бака?

— В попе...

И я поняла, что проблема горшка решена полностью.

Буквы я стала показывать ему в полгода — большие, на картонках, и не все сразу, а сначала только гласные.

В год Саня правильно показывал 6 букв, в год и три месяца — все 10 гласных, в полтора года запомнил по кубикам звонкие согласные, в год и 10 месяцев правильно показывал все буквы. Но... можно спросить «где такая-то буква» — охотно найдёт в газетных заголовках, а спрашивать «какая это буква» — бесполезно, вслух не скажет почти ничего, словно стесняется своей немыслимой дикции. Вообще всё говорит и делает не по просьбам — только по вдохновению.

Любимого плюшевого кота в 1 год называл «Ки», в полтора года — «Кися», в год и 8 месяцев — «Кися-мися». Это и была первая рифма.

С 1 года 10 месяцев рифмы посыпались, как из рога изобилия. Всего-то десяток слов в обиходе, а находит, что зарифмовать.

— Саня-Аня, Каша-Маша, Собака-бабака, картошка-Бабаёжка, бабулька-какулька!

Подсказываю: бабулька-красулька!

Тройная рифма привела Саню в восторг:

— Бабулька — какулька — красулька!

сентябрь 94 г. 2 года.

Увидел у меня в медальоне свою фотографию. Стал часто просить:

— Саню откыть!

— А может, там Иисусик?

— Исуська? Исуську откыть!

Тут же родилась единственная в своём роде рифма:

— Исуська — поросюська!

Барабанит по холодильнику:

— Дать си-си с кап-кап!

Это кулинарный запрос — требуются сосиски с кетчупом.

Разбудил меня среди ночи срочным сообщением:

— Он беаит по Афике и кусаит детей,

Гадкий, нехооший, адный Бамалей!

(Для тех, кто читал «Бармалея» перевод не нужен, а читали его все).

Утром проснулся и пытается разбудить меня стишками:

— «ано в к"овать, «ано вставать —

Го"я и хво"и не будете знать!

Когда не хватает только «Р» — это уже не страшно, понять можно. Договорились, что Саня подарит папе на день

рождения будильник и скажет эти стихи.

Впервые в жизни исполнил заявку — протянул папе будильник и сказал эти две строчки. Папа и баба Юля растерянно переглянулись: «А на каком это языке?»

Юмор?

Дёргает за ручку унитаза и приговаривает:
— Кака-бака, уходи, к Бармалею приходи!

Юмор.

Несёт мне за хвост редьку: «Это не «едька, это банан! Хо"оший банан!»

Эстет.

Я наклеила журнальную репродукцию на старую виниловую пластинку. Саня схватил, закружился с ней по комнате, поставил на полку, отошёл, посмотрел:

— К"асиво!

Появились ночные страхи. Плачет, показывая куда-то в потолок:

— Там бабайка!

Ношу на руках, включаю свет, успокаиваю:

— Нет бабайки...

— Есть, есть!

— Да? Так она ведь не сташная. Смотри, она улыбается!

— Бабайка не ст"ашная... Она улыбаеся...

Повторил несколько раз, успокоился, заснул.

Пою колыбельную:

— Но отец твой, старый воин...

Пытается повторить:

— Но отец-то воет, воет...

Нашёл на детсадовской площадке брошенную кем-то куклу — пухлого младенца. Показывает:

— Здесь попа, здесь пупа...

Куклёнка забрали, отмыли, починили, одели в Санину распашонку, назвали Пупой.

ноябрь 94г. 2 года 2 мес.

Бежит по детской площадке на четвереньках:

— Я — собака-бабака!

Встал на ноги:

— Снова Саня!

Первая ролевая игра.

Таскает санки по квартире:

— Саня-масяня едет на санях!

На прогулке подобрал еловую ветку:

— Здесь елка поте"яла иголки!

Первые стихи.

Научился говорить «спасибо». Прощаясь, усердно машет рукой:

— До-сюн-дания!

Любимая еда — «жизка» — суп. А ещё «лапшичка кудрявая», «мясико» — куриный паштет и конфетки "мали-мали" — леденцы монпансье. А на ночь ещё посасывает «со-сулю» с «кахой-махой» — для скорейшего засыпания.

Бабушка заносит домой авоську с продуктами и оставляет Саню у подъезда на санках.

— Только никуда не уходи, а то тебя украдут!

Просит присмотреть проходившего мимо соседа.

Только бабушка скрылась в подъезде, Саня спрашивает соседа:

— Дядя, а меня не украдут?

— Нет, а кто тебе сказал?

— Да баба Света...

Проснулся в слезах:

— Желудок болит!

Начинаю щупать ему живот.

— Здесь болит? здесь?

— Неть... Неть..

— А где же у тебя желудок?

Показывает на щёку:

— Здесь!

Оказалось, режется зуб.

декабрь 94 г. 2 года 3 мес.

Приближается Новый год. Мы с Саней клеим из разноцветной бумаги ёлочные игрушки — клоунов, рыбок, ангелочков...

Санино участие таково: сидит у меня на коленях, всё хватает и во всё влипает. Когда же, несмотря на его «помощь», игрушка сделана — бежит показывать «бабе и перебабе»:

— Вот, мама всё умеет делить!

Залюбовался тоненьким месяцем:

— Ой, какая луна молоденькая!

В парке лирически настроенные граждане кормят синичек. Саня, с явным намерением посмешить народ, встаёт на колени рядом с пичужками (они его не очень боятся), тычет-ся носом в снег и приговаривает:

— Клюк-клюк-клюк!

Страшно доволен произведённым эффектом.

Впервые рассказывает сон:

— Была ночь темно, и был дворец большой-большой

огромный, и я там жил! Я делал часы и коло-кола!

И тут же первые планы на будущее:

— Когда стану большой, стану делать колокола!

Никогда не предполагала, что столь далеко идущие планы могут быть у двухлетнего.

Саня вынырнул из сугроба.

— Ты прямо как снеговик!

Смеётся.

— Что, и нос морковкой?

Увидел сверкающую иномарку:

— Ой, машина — красавица!

— Ко мне домой приходили королева и Исуська, и я в гости пойду к Исуське!

Сон или сказка?

На базаре покупаю фрукты. Санька у меня за спиной соскакивает с санок, хватает стоящие рядом санки с ребёнком и убегает. Замечаю его уже на другом конце площадки, поворачиваюсь к зазевавшейся маме:

— Мой вашего украл!

— Ой, похищение невесты!

В санках оказалась девочка.

«Читает» по книжке стихи. Дошёл до слов «там чудеса, там леший бродит»... И замолчал. Пытаюсь подсказать:

— А кто же на ветвях сидит?

— Русалка, мне кажется...

Обычный ответ на затруднительный вопрос:

— Этого я не могу тебе сказать..

Понравилось чистить варёную картошку, лук, чеснок. Теперь можно поставить перед ним кастрюлю картошки и на полчаса отвлечься. Подавая салаты, с гордостью говорим: «Саня помогал»! А Саня, услышав это, вдруг вздохнул:

— Ой, какая у меня работа дураская...

К игрушкам равнодушен. Машины брошены, резиновые зверюшки используются только как население кукольных домиков — Саня их строит из всевозможных банок-коробок. Куклам даёт ласковые имена (Ванечка, Пупа, Растеряйка), но всё норовит им пооборвать руки-ноги. Если получится — сразу несёт мне чинить. Единственная любовь — Кися-мися. Обнимает его, целует, спать укладывает. Наследственность, что ли? Я тоже всё детство обожала плюшевую кошку Мусю...

Надел мои сапоги:

— Дай ещё шляпу, буду кот в сапогах!

Первая литературная игра.

Завредничал, самоутверждается. На всё спешит сказать
«нет». Баюкаю его стихами:

— И днём, и ночью кот учёный...

Бормочет, засыпая:

— Ни днём, ни ночью, не кот, не усёный...

Шепчет во сне: " Собака-забияка»...

Январь 95 г. 2 года 4 мес

Надел на ноги мои перчатки:

— Я рассеянный!

Явно тот рассеянный, что с улицы Бассейной.

Хвастается рисунком на своей рубашке:

— У меня лев, а у тебя только дождик идёт!

Не хочет есть омлет. Командует:

— Омлетик — в туалетик!

Нашёл советские монеты. Объясняю:

— Это копейка, вот две, три... Вот пятак...

Саня недоверчиво переспрашивает:

— Пятачок?

Хватает его и прижимает к носу:

— Я — свинья! Х"юшка-по"оюшка!

Думая, что убаюкала Саньку, на цыпочках крадусь из спальни. Вдогонку вопль:

— Куда же ты убегаешь от сына?!

Не хочет отпускать меня на работу.

— Не ходи, там волки!

И ведь почти не ошибается — в обычный школьный класс войти подчас не легче, чем в звериную клетку.

Просит меня скатиться с горки. Поддаюсь на уговоры, скатываюсь, зарываюсь в снег. Саня в восторге:

— Как девочка!

— А теперь давай вместе.

Прицепился ко мне сзади, съезжаем вместе.

— Как поезд!

Впервые в жизни ест жареную рыбу. Спрашиваю — нравится?

— Да, рыбка-улыбка!

— Мяу, мяу, я кися! А ты — кисина мама!

— А кто же кисина баба?

— Светя!

— А перебаба

— Зоя!

— Ну иди сюда!

Не подходит.

— Кис-кис-кис!

Подошёл.

Высосал бутылочку смородиновой воды.

— Вино выпил!

— Так ты теперь пьяный?

— Ну да!

Снял валенки.

— Валенки, идите!

— А где ты видел, чтобы валенки шли?

— По телевизору.

Гуляем по парку. Саня давно понял, что самое интересное в парке — дворец.

— Пошли во дворец, ну пошли!

Приходим. Посетителей почти нет, и Саня сразу попадает в центр внимания зрителей. Показывают ему пасторальные сценки:

— Александр Сергеевич, кто это там?

В Сане просыпается бес противоречия.

— Это не ко"ова, это не козя, это не свинья!

— А где же не пастух?

Показывает на пастуха.

— А где же не Саня?

Смеётся.

Проходим в тронную, кабинет Павла I... Саня всё разглядывает и вслух делает вывод:

— Здесь царь был и ушёл...

Возле витрин с мейсенским фарфором чуть не заплакал:

— Отк"ой, хочу туда, к кукилькам...

Дома, на вопрос бабушки «где был» доложил:

— У царя!

— Саня, что на прогулке видел?

— Ходила машина ог"омный, ст"ашный, большой, и это-

поезд! И глаза ст"ашные, и лоб, и подбо"одок!

Я делаю маленькие витражи, Саня, как всегда, висит на локте, лезет под руку, хватается лак и мажется им... Наконец, каким-то чудом работа закончена.

— К"асиво! А что это мы сделали?

Прицепил сзади яркую тряпку:

— Я не Саня, а просто ко"оль!

Понятно. Вчера читали с ним английские песенки.

— А какой ты король? Артур? Пипин? Коль?

— Я — ко"оль без полков!

Планы на ближайшее будущее:

— Пойду гулять — провалюсь в яму — бух! Мама скажет

— где же мой Саня? — Бегите, бегите, доставайте меня!

февраль 95г. 2 года 5 месяцев.

Не может дотянуться до турника. Зовёт меня:

— Мама, иди сюда, я повешусь!

Вредничает. Говорю ему:

— Саня, ты же хороший мальчик!

— Я не хо"оший, плохой!

Через 10 минут настроение изменилось.

— Где у нас плохой мальчик?

— Там! — машет рукой куда — то в пространство.

— А где хороший?

— Я!

Слов не хватает, а рифмовать хочется. Скачет вокруг меня:

— Ну ка, мама, посмотри, выступает патати!

— А что такое «патати»?

— Ну это клоун такой!

— Саня, почему у тебя пузо сладкое?

— Потому, что поел!

Новая рифмочка: узбек — Казбек!

— Саня, оденься, даже Кися твой в рубашке, а ты — без...

— Я не бес, я мерседес!

Воистину разговор на разных языках.

Саня никак не засыпает — а я уже вижу сон наяву.

— Мама, качай, мама, пой...

— Не буду, спать хочу!

Обиделся.

— Плохая мама, плохая, нехо"ошая, как на помойке такую маму нашёл...

Мешает мне смотреть телевизор:

— Выключи, я требую музыку!

Пытается в ту же розетку воткнуть проигрыватель — ставить пластинки уже умеет.

Сшила из мягкого розового меха страуса — марионетку.

Саня тут же придумал ему имечко: Смешнушка — Мяка-мякушка!

Построил из диванных подушек «теремок».

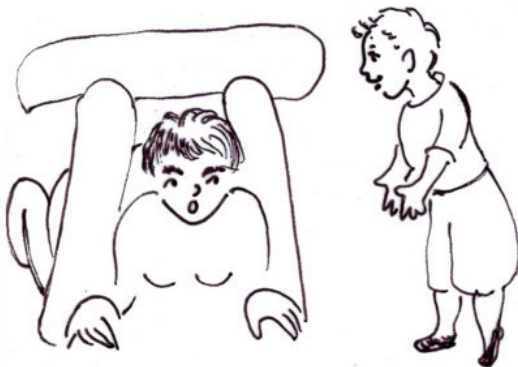
— Мама, залезь!

Я с трудом залезла. Спрашивает:

— Кто, кто в теремочке живёт?

— Это мама здесь живёт, кашу ест и водку пьёт!

— Ха-ха-ха! Водку ты не пьёшь, она горькая!

Интересно, откуда знает?

— Мама, пожалей меня!

Это значит, что Саня ушибся. Надо погладить его, пошептать — и всё пройдёт. И вдруг:

— Мама, пожалей стакан!

Оказывается, на стакане трещина.

Ищет ёлочные игрушки.

— Где мои стекляшки-разбивашки?

Пробует соль из солонки.

— Солоновато немножко...

Объясняет, как любит «кудрявую лапшичку» — полуфабрикат:

— От лапшички я даже пакет пустой люблю!

Делится со мной полдником — протягивает пряник и молоко:

— На, поешь... и запей, а то подавшься.

Прочитал сам три слова: МАМА, БАБА, ПАПА.

«маму» и «бабу», правда, мог и «узнать» — писали раньше, а вот «папу» точно прочитал.

Любимым чтением стала «енсикопедия» — объёмистый двухтомник «Что такое, кто такой». Рассматривает картинки и слушает пояснения. Польза явная. Плещется теперь в ванне и голосит:

— Я плаваю, как акула китовая!

— На гориллу я не похож!

— Это не грузовик проехал, а и-фи-жи-атор (рефрежератор).

— Мама, спой песенку про кюно!

Паровик Кюньо, оказывается. Пришлось сочинить песенку.

Достаёт из шифоньера платья. Баба Света пытается призвать к порядку.

— Баба, иди погуляй, свежим воздухом дышать, и бабу Зою возьми!

— Саня, давай, покачаю, как малюсенького.

— Я не хочу, как малюсикого, я большой!

Сыплет горох в крупу, крупу в горох, и с опаской поглядывает на бабушку — не шлёпнет ли?

— Баба, я тебя боюсь...

— Так любишь или боишься?

— Немножко люблю, немножко боюсь...

— Пойдёшь сегодня в новой курточке, как барин.

— Я не барин, я татарин!

— Не беги, машина задавит!

— Эта не задавит, она красивая!

В бане едва решается войти в парилку. Несёт с собой двух резиновых зверюшек:

— Кукилек попарю.

Долго стоял в самом низу, наконец, поднялся на две ступеньки:

— Неть... Здесь кукилькам жарко...

— Мама, я хочу, как солнышко, на небе блеснуть!

Назойливого соседа мы за глаза называем «Аркашка», а Саня — «Аркашка-таракашка».

Саня идёт по улице с веткой в руке. Спугнул из-под куста кошку. Говорит растеряно:

— Я и не собирался её шлёпать, а она убегает чего-то...

— Мамочка, я тебя очень-очень люблю... Ну не ходи на работу!

Как начинается очередная серия бесконечного фильма «Дикая Роза», Санька выключает телевизор:

— Не смотрите Розу, она же дикая!

Саня вертится на карусели. Закинул голову вверх:

— Мама, смотри, смотри, как небо крутится!

Сане делают прививку. С любопытством смотрит, как игла колет руку:

— Ой, пугырёк полюбился... А ещё?

— Зоя бабулечка роднулечка дорогулечка красотулечка!

март 95 г. 2 года 6 мес.

Рассматривает в энциклопедии паровозы. Рассуждает:

— Паровозы идут, идут...

КолесАми своими крутут...

— Баба, а сколько стОит лужа?

— Лужа ничего не стоит.

— А конфеты?

— Дорого.

— Ну пойдём домой за деньгами. А знаешь, что такое лужа? Это вообще-то глубоко и мокро...

Забрался на шведскую стенку, осмотрелся вокруг, слез

сам. Спрашиваю: «Что ж ты раньше так не делал?»

— Я же был малюсенький!

Монолог в семь утра:

— Мама, ставай, пей свой кофий, мне же пора гулять, пока день светло, а то будет темно — гулять не пойдёшь!

Научился пришивать пуговицы. На тёмно-синюю тряпку пришил три штуки, как два чёрно- белых глаза и красный носик:

— Это Кися-мися смотрит из темноты!

Иногда, впрочем, Саня становится «маленьким». Лезет ко мне на шею.

— Что, Саня, задавить меня решил?

— Я же не большой, я же не могу тебя задавить, я же маленький!

Крутится на домашней качели.

— Ух! Я кручусь, как вертолёт!

Делит леденцы: бабе, маме, дяде...

— А тебе?

— А я машина, я есть не умею!

Тянется к турнику:

— Хочу мартынить — капуцинить!

Впечатлился картинками про обезьян-мартышек и капуцинов.

— Где мои таблеточки?

— Больше нет.

— Я выпил таблетку, а ты — десять?

Затеяли долгую и трудную перестановку. Саня действительно помогает — пылесосит, переносит, хватается за всё. Наконец, выдохся и раздумчиво произнёс: «Такие вот мы дураки»...

— Сколько снега! Растает- и будет лёд — скользёт...

— А у мамы фамилия как?

— Баева.

— Нет, Нефёдов, как у меня, а не Баева!

Лезет в холодильник:

— Баба Света, иди, поспи, у тебя уже голова заболела!

Барабанит по доске:

— Не греми, Зосимыч снизу прибежит!

— Не прибежит, он на работе!

В самом деле, время рабочее.

На прогулке забрался в экскурсионный автобус. Экскурсовод спрашивает:

— Поедешь с нами? без мамы?

— Да, мама пусть идёт домой.

— А далеко хочешь поехать?

— В Пительбульх!

Ну что ж, до Петербурга всего-то 42 км.

Бежит за мной со старым рецептом:

— Мама, это твоя записочка? Здесь твоя буква! — и показывает на М.

— А вот здесь, на мыле — папа! — нашёл там букву П.

Возвращаемся из гостей затемно по опустевшей улице. Санька недоумевает:

— Никакой жизни не стало, вся жизнь куда-то пропала...

— Хочу обедать и велосипедать!

В музее увидел макет Гатчинского дворца.

— Купи мне этот дво"ец!

Напоминаю, что это не магазин, ничего не купишь. А дворец такой мы можем сделать сами дома.

— Пошли, пошли домой делять такой дво"ец!

Дома ещё семь раз напомнил. Наконец, я нарисовала фа-

сад дворца на бумаге, наклеила на большую коробку, а внутри подвесила рыбацкие колокольчики.

Вот уже три дня Саня занят «украшательством» дворца: исчиркал его разноцветными фломастерами, и объясняет, что это так красиво горят окна, просит подрисовать человечков, и всем гордо демонстрирует колокола — «бас-колокол и подголосочки».

Расчихался. Отдышавшись, говорит:
— Тыфу на такого Санюшку — он делает чихушки-смешнушки!

Бабушка разговаривает сама с собой:

— Где-то продаётся вкусное сало...

Саня подсказывает:

— На базаре, конечно!

Тащит свой велосипедик и смеётся:

— Я сильный, как мама!

Типичный представитель «беспапного» поколения.

Увлёкся лепкой из солёного теста. Лепим вместе, и трудно сказать, кому это больше нравится. Саня скатал три десятка бусин, сам раскрасил их разноцветной гуашью, теперь ходит с бусами. Смотрел-смотрел, как я леплю фигурки, наконец, расшлёпал на дощечке лепёшку, вдавил в неё пуговицы-гла-

за, крупную бусину-нос, несколько торчащих макаронин — волосы, и усы-колбаски из теста.

— Саня, кто это?

— Страшила!

— Деда Артур живёт на Севере? Это где океан заполярный?

Побывал на дне рождения у своего племянника Димочки. За красивым столом в большой компании сидеть не захотел, закопался в игрушки. Посадил на велосипед двух плюшевых медведей — говорит, это «Ехали медведи на велосипеде». Наконец, проголодавшись, стал таскать куски с кухни под общий одобрителный смех: " Не пропадёт парень!"»

А когда всё же соизволил сесть за стол, от него потребовали тост. Саня не растерялся, схватил мой бокал и воскликнул: «Я пью из рюмки, и всё тут!»

Хорошо ещё, что в моём бокале был лимонад.

Саня дразнится:

— Баба Сета — колбасета!

Бабуля хмурится:

— Я хоть и колбасета, но поддать тебе ещё могу!

— Машины едут — велосипедут...

— Кто там гремит-камнит?

— Машина самосвальная с ковшом копал-копал грязь глубокую, камни, воду, и сваливал и отвозили. Озеро полючилось!

Машину эту Саня видел месяц назад, а выкопанное ею озеро — сегодня. Память что надо.

апрель 1995 2 года 7 месяцев

Нюхает шёлковую гвоздику:

— Другая гвоздика нравится, она расцветается и отцветается, а эта не отцветается и не пахнет...

Положил в игрушечный самосвал две маленькие машинки:

— Эта машина — мама называется, она большая, она катает своих машинок.

Нашёл на прогулке колесо и увлечённо катает его с детской горки. Колесо налетает на игрушечный самосвал:

— Авария, авария!

Взял моду побираться возле кооперативных ларьков — продавцы нет-нет, да и угостят конфеткой или хоть хлебом. Приходится спрашивать, где взял, и расплачиваться. Вчера же совсем обнаглел — протянул руку прямо в окошко:

— Ну ты мне дашь что — нибудь?

— Мама, давай, сядем на люстру качаться.

— А на качелю не хочешь?

— Хочу! — побежал на качелю.

— Мама, научи меня, как... Далее может следовать, что угодно — лепить, варить, красить... И вдруг:

— Мама, научи меня летать!

— Летать и я не умею, у нас ведь нет крыльев.

Задумался.

— Нет, я всё-таки умею... Вскинул вверх руки и одну ногу, подпрыгнул. Приземлился, Вздыхает:

— Не как самолёт...

Не любит мыть голову. Пытаюсь его развлечь — делаю из мыльных волос рожки, и подношу его к зеркалу. Спрашиваю: — Похож на чёртика?

— Нет, корова настоящая!

Я ухожу на работу. Саня объясняет бабе Свете:

— Мама на работу пошла, ты не плачь, она скоро придёт.

— Был ужас такой, ужас такой!

— Какой же ужас?

— А вот такой: расстегнулась булавка огромная — большая! Но я её закрыл на замок!

Никак не засыпает. Спрашивает меня:

— Ты знаешь, как делаются дорога и дом?

— Конечно, ты ведь их нарисовал.

— Так я там забыл нарисовать у дома дверь, а надо бы!

Едва согласился дорисовать утром. Через минуту заснул.

На детской площадке закапризничал. Свернула ему цветочек из конфетного фантика. Схватил и спрятался с ним под деревянную горку. Смотрю — делает там для цветочка вазу из обломка кирпича. Высунулся:

— А ещё цветочек?

— Что же у тебя там будет?

— Огород!

— Ты — ложка — поварёшка! — дразнит приятеля.

— Где наган, который мне дядя Саша подарил?

Долго бы мы гадали, что это за наган, если бы Саня не нашёл его сам. Действительно, сосед Саша подарил ему этот брелок — пистолетик почти год назад...

За что — то невзлюбил Нелю Давыдовну, с которой сам

же разговорился на детской площадке и познакомил её с бабушкой. «Баба Неля» передаёт ему при случае яблоки-орехи, а он её царапнул, — и уже две недели хвастается:

— А я её царапала, царапала!

Наш «безотцовщина» часто говорит о себе в женском роде...

— Баба Светка — конфетка!

Саня бросает камешки в озеро:

— Хочу море морщить! — на сон грядущий слушал сказку о Балде.

До сих пор хорошо засыпал под бесконечный лермонтовский «Спор» Казбека с Шат-горою, а теперь после каждой строчки вопросы:

— А что такое Восток? Ценя? Могил? Кальяна? Фонтана? Грузин? Бедуин? Султаны? и т. д.

— Это таракан?

— Нет, жук.

— Тараканный жук?

— Надо бы денежки заработать...

— А зачем тебе денежки?

— В магазине конфетки дают...

Предмет особой Саниной гордости — зверушки из теста, запечённые и раскрашенные. Сначала обсуждаем, кого слепить, потом Саня катает колбаски и колобочки, я собираю из них «персон» и запекаю в духовке. Потом Саня красит спинки, а я — мордочки. Так налепили гусеницу, жука, цыплёнка, «поросюшку», кота, зайца, коня, «сударушку» с дитём на руках...

Любопытно, что эти «скульптуры» Санины маленькие приятели тоже находят интереснее любых других игрушек.

Саня по уши вывалялся в глине.

— Какой ты грязнуля!

— Как в сказке? Мойдодыр?

Утром просыпается, но ещё не открыл глаз. Говорит возмущённо: " Совсем светло, а я ещё сплю! »

— Кися плохая, она меня царапала!

— А ты бабу Нелю царапал.

— Тоже плохой...

— Пойду, пойду — и в каку упаду!

— Пошли одеваться, гуляться — мотаться!

— Эта качеля большая, а та — малышовенькая!

— Мама нарисовала море, оно глубокое, в нём можно утонуть, а утонуть — это ужас!

— У тебя холодный нос, настоящий нос — понос!

— Саня, а что такое понос?

— Не могу сказать...

— Саня, что ночную рубашку не снимаешь?

— Ну ночью же пригодится!

Закапризничал за столом и его выставили из кухни. Успокоился в коридоре, вернулся и объясняет дяде Олегу:

— Ты не плачь, а то и тебя с кухни выгонят. Здесь только те, кто не плачет!

Я иду на улицу без сапог, в туфлях. Саня предостерегает:

— Сопли польются сами у родимой маме!

Складывает в коробку свою картонную азбуку:

— Это мои документы!

Саня посолил салат — и переусердствовал. Возмущаюсь:

«Есть нельзя!»

— Лзья-лзья-лзья!

Интересно, сколько километров Саня наматывает в день?

Но бежит только туда, куда хочет сам. Если же идём туда, куда надо мне, то сын восседает у меня на закорках! Так ведь ещё и недоволен, говорит, плохо сидеть, как рюкзак!

Разворачивает фотоплёнку — а она вырывается из рук, скручивается. Саня возмущается вслух:

— Я тебя хочу посмотреть, а ты скатываешься! Ну тебя, лента — колабента!

Показывает соседке деревянную матрёшку с физиономией Ельцина:

— Это Ёлкин — Палкин!

Ест замороженный в холодильнике банан и смеётся:

— Банан как дед мороз!

Принесла первые одуванчики. Говорю — солнышки!

— Нет, одуванчики, только ещё не дуются! (А ведь не ви-

дел их с прошлого года).

Собрали из цветов и зелёных веточек «икэбашку» и поставили на стол. Через минуту смотрю — у парня вся мордашка жёлтая — чувствительный Саня расцеловал букетик.

— Я — сладочка — лимонадочка!

— Ну что, Саня, встаём?

— Встаём, встаём, чайку попьём!

Встаём, встаём, на турнике повисём!

Несёт мне свои кубики:

— Мама, давай, построим Пительбульх!

Построил дом из кубиков с дверцей из линейки:

— Мама, смотри, какой у меня дом открывальный-закрываальный!

Купила шоколадную «бомбошку» на ниточке и повесила на лапу Кисе-мисе.

— Саня, Кися тебе что-то дарит!

Саня с таким замиранием сердца разворачивал конфету, с такой блаженной улыбкой ел, не забыв поделиться со мной, так ласково обнял Кисю, что я была уверена — поверил.

А на следующий день просит:

— Мама, дай ещё бомбошку.

— Тебя же Кися угостил!

— Да где же он находит — то? У тебя же!

Перебаба Зоя спрашивает:

— Саня, хочешь пись-пись?

— Ни малейшего желания, бабуля!

май 95 г. 2 года 8 месяцев.

Не хочет отпускать меня на работу:

— Мама, ещё чаёк попей, поешь ещё, кофе попей, и гулять хочу, и отдохни, куда же ты, ты меня ещё не покача-ала!

Ждёт меня с работы. Съел половину лапши, другую оставляет: «Это маме». Но банан съедает целиком:

— Этот я съем, а маме ещё куплю.

Вообще не скуп, любит угощать, а вот игрушками старается не делиться ни с кем.

Размахивает пустой коробкой из-под сигарет:

— Хочу по улицам ходить,

И курить, курить. курить!

Вдохновился примером дяди Олега.

— Ты — пустячок — малышок!

— Нет, я уже пустячок — большок!

Залазит под диван, а баба Зоя его оттуда вытаскивает. Пытается ей что-то объяснить, но почти глухая «перебаба» не слышит. Наконец, бежит ко мне:

— Мама, скажи же бабе, что я — Кися-мися!

Зашла в гости Галина Борисовна. Саня так настойчиво требовал к себе внимания, что его выставили из комнаты —

к перебабе Зое. Сидит там, и говорит?

— Баба, я же тебе мешаю?

— А что же делать?

— Выгони меня туда, где Галина Борисовна!

Увидел зелёный лужок.

— Это море такое зелёненькое!

Разглядывает две зажигалки:

— Эта синяя, а эта — банановая (жёлтая)!

В детском саду

— В детском саду- то будешь дружить с хорошими детьми? — спрашивает баба Света.

— Да!

— А хорошие — это какие?

— Кто любит бабу Свету!

— Почему не ложишь спать

Меня в мягкую кровать?

— Всё сосёшь леденцы? Ужас какой...

— Нет, ужас- это когда курить!

— Качеля скрипит, скрипит... Она всегда песенку поёт...

Никак не можем купить яйца. Саня возмущён. Подходит к уличному ларьку и вопрошает:

— Почему только сигареты, а не яйца?

Наутро проснулся и спрашивает у бабы: «А где мама?» Баба молчит.-Ну ты скажи хотя бы «где?»

Забавно зыбка ещё у Сани грань между сказкой и явью. Кися плюшевый чуть не каждый день дарит ему конфеты.

Объяснял себе это Саня сначала так:

— Да где же он берёт? У тебя же!

Но я завершила, что Кися бегают в лавочку, пока Саня спит.

И когда после страшной грозы у Киси в лапах появилась — таки конфета, Саня шумно восхитился.

— Кися грозы не побоялся! Сбегал и конфетку купил!

И долго целовал храброго Кисю в лакированный носик. А потом призадумался:

— Где же он денежки взял? У тебя?

— Саня, не лезь в грязь!

— Я же машина, я не понимаю.

— А не понимаешь — по попе дам.

— У меня же только колёса!

Саня определён в малышей в группу детского сада. Пришёл для пробы на часок — на прогулку. Принёс коробочку леденцов — и давай угощать — по домашней привычке совать в рот новым приятелям.

Реакция самая разная — кто стесняется, кто берёт без церемоний, кто хватает двумя руками, один хапнул горстью, и нашлась даже строгая особа — стала следить, чтобы никто лишнего не взял. В неполные три года они уже очень разные.

Дома Саня сообщил, что воспитательницу зовут «Анатолевна, как маму», хотя никто ему этого не говорил. Это он между делом прислушался к нашему разговору.

На второй день пришли в садик на два часа — и попали на праздник. Сидят детки в большом дворе на скамейках, выходят в центр круга группами, танцуют,

Смеются над клоунами... Почти все смотрят, не отрываясь, а Саня всё на меня оборачивается:

— Тебе что ли сесть некуда?

Пришлось подсесть к нему.

После представления я на часок убежала, Возвращаюсь потихоньку, смотрю из-за кустов — мой

Санька рвёт одуванчики и носит их двум воспитательницам. Те смеются:

— Спасибо, Саня, хорошие букеты!

Оказывается, обнаружив моё исчезновение, Саня взвыл, потом минут пять постоял, замерев, и... пошёл играть — делать клумбы из песочных куличиков.

Пытаясь убаюкать Саню, заснула сама. Сын убежал и докладывает бабушке:

— Знаешь, мама ленивая, она спит!

Сбросил с балкона увесистую железную полосу. Под балконом стояла баба Света — и железяка пролетела сантиметрах в десяти от её головы...

Так любящий внучек чуть не попал в Книгу рекордов Гиннеса.

Приехал папа и отвёз Саню в Стрельну — к бабе Юле и деду Феде. Договорились, что я приеду завтра. За полдня я успела изменить причёску — и Саня меня не сразу узнал! Смотрит, улыбается — и не подходит. Я «обиделась». Вышла за дверь.

Только через полчаса Саня спрашивает:

— Ты правда хотела уехать и меня забыть?

— Нет, что ты!

Повис у меня на шее.

Саня деятельно помогает «деде Феде» в огороде — вырывает и моет редиску, а заодно — то свёклу, то клубнику. Его выпроваживают, а он возмущается:

— Я же хочу работать!

Говорят, Саня там никому спать не давал — до полуночи распевал «тары-бары-растабары» и отплясывал. Его пытались унять:

— Саня, все спать хотят!

— Но я же к вам на электричке приехал!

Вполне достаточное основание не давать людям спать.

— Саня, у тебя совесть есть?

Огляделся растерянно, посмотрел на свои вещички, ответил раздумчиво:

— Нет, совести у меня нет...

Я простудилась. Пытаюсь баюкать Саньку — и без конца кашляю. Засыпая, Саня шепчет:

— Мама, постарайся не кашлять...

Мы болеем оба. Температура у него 39, у меня — 38.

Но Саня, в отличие от меня, бодренький. Прикладывает-ся лишь изредка, и каждую минуту что — то просит — читать, пить, рисовать... Объясняю, что мне и голову поднять трудно.

— И не вставай, мамушка, тебе же трудно, я принесу книжки, а ты читай, читай!

Июнь 95 г. 2 года 9 месяцев.

Автоплагиат.

Саньку игриво боднула безрогая коза. Ответил ей стихами:

— Козы идут, идут, рогами своими бодут!

Хозяйка козы только руками всплеснула.

Съел кошачий сухарик — китикэт.

— Саня, не ешь, в кота превратишься!

— А я и хочу быть кисеей!

Тут же прицепил сзади платок: — Вот и хвост вырос!

Сел возле дивана и толкает его ногами:

— Я уже кия, я деру диван!

Вредничает за столом:

— Хочу радио послушать, а не кушать, а не кушать!

Юмор.

— Маму любишь?

— Неть! (смеётся)

— А бабу?

— Неть!

— А бабу Зою?

— Неть!

— А кого любишь?

— Дядю Олега!

— А за что?

— За то, что он курит!

Прогоняет с качели мальчонку:

— Уходи, уходи!

Прогнал, забрался сам, и рассуждает:

— Я сказал «уходи»... Это я его обидел...

— Хочу быть самолётом, вертолётom и машиной, чтобы у меня выросли фары, кабина и колёса!

Папа подарил Сане электроорганчик, и написал на клавишах: «до», «ре», «ми»... и т. д.

Саня удивился:

— Ты, папа, что ли глупотА? Зачем на нотах написал? Это надо всё смыть...

Загадка.

— Мама, где мы живём?

— В России.

— Ха-ха-ха! В нашем доме!

Снова покушается на кошачий корм.

— Не ешь, усы вырастут!

— Не вырастут! — отмахивается Санька, и разглядывает пакет — а на пакете нарисован кот с огромными усами.

Рассуждает:

— Как же усы не вырастут — вон, какие усы...

На целый день оставлен с бабушкой. К концу дня бабушка воскликнула:

— Ох, и надоел ты мне, когда же тебя в армию заберут?!

— А вот мама вернётся — с ней и пойдём...

Приласкался ко мне: «Люблю мамушку за то, что меня целует!»

Увидел экскаватор.

— Хочу в кабину, хочу в кабину!

— Там водитель сидит, и нас не зовёт.

Прошли шагов тридцать, и Санька снова взмолился:

— Ну хоть в ковш!

К счастью, водитель куда-то вышел, и я посадила Саню в ковш. Минут десять умирал от счастья среди грязи и глины, весело поболтал с вернувшимся водителем, а дома с жаром рассказывал:

— Экскаватор так работает: ковшом ха-ап грязь — и в машину, ха-ап — и в машину, а сам — в-жжж, в-жжж, а в ковше гря-язь, гря-я-язь!

Едем на электричке. Саня увидел пустой поезд на запасном пути.

— А люди там где же? Нет? Эх... бедная электричка...

К Сане приехал кузен Вовочка, сын Олега. Саня встретил его без особой приязни — не стал делиться игрушками, шлёпнул, прогнал из комнаты... На моё требование не обижать малыша отвечает:

— Я его и не трогаю, а он плачет чего —то!

На следующий день Саню «Божечка наказал». Поехали на день рождения к сыну моей подруги. Так и за стол толком

сесть не смогли — трёхлетний бутуз Юрик Саньку для начала отлупил, потом полдня отнимал у него игрушки, и под занавес чуть глаз ему не выцарапал. Едва Санька унёс ноги с такого праздника.

Уезжаем из Питера, я тащу Саньку на закорках, он умоляет: «Ну хоть конфету шоколанную!» Спускаю его на землю, покупаю шоколадку, оборачиваюсь — нет Саньки! Мечусь по вокзалу, вбегаю в электрички, прочёсываю густую толпу — растворился! Кто — то замечает мои метания:

— Это не вы мальчика потеряли? Так его уже в милицию повели.

Бегу к отделению милиции — навстречу несут Саню.

— А мы и смотрим, что это цыганка не цыганского ребёнка несёт, такого чистенького? А он брыкается, кричит: «Мама там, хочу на электричку, хочу домой!»

Наверное, украсть хотела, к метро шла.

— Санька, куда же ты убежал?!

— На нашу же электричку! Вот! — и показывает на птергофскую — совсем в другую сторону.

Я не могла прийти в себя до самой Гатчины, а Саня минут через десять совершенно забыл о своём приключении.

— Саня, что делали в садике?

— Ну, кушали, ну, спали...

— А что кушали?

— Чай с лимоном у меня сейчас в желудке, и лимон всё делает мне кхе-кхе! Не пойду больше в дом воспитательницы, только в Са-а-дик! — и заплакал:

— Мне там воспитательница спать мешает! Не ходи на работу, ты же не хочешь работать, ты же ленивая, ты же спать хочешь, я буду дома, а ты спи, спи!

Забавно, что «садик» для Сани — это место, где что-то посажено — огород, детсадовый двор с клумбами.. А само помещение детского сада — «дом воспитательницы».

Дико ревнует меня к своему кузену Вовочке. Укладываю малыша спать — Санька впадает в настоящую истерику.

— Положи его, пойдём, сами спать ляжем!

Так плакать же будет!

— И пусть плачет!

Надо же, как трудно смириться с тем, что в доме появился кто — то младше тебя.

По словам воспитательницы, Саня будет «парень, что надо» — Толковый и самостоятельный. Это лестно

Слышать, но я бы добавила ещё и «хитрый» — дома даже есть сам не хочет. Сунет руки за спину, и говорит: «Корми же меня, у меня руков нет!»

Торгуется: «Я пойду в группу, возьму совочек, тапочки, воспитательница мне поставит стульчик, столик, даст лож-

ку, тарелку, борщ, помидорчик, и кашу, и хлеб, и чаёк, и посплю, и встану, и оденусь, и кофточку мне оденут, и пуговицы застегну, и сандалии, и гулять пойду, а ты приходи, я буду смотреть, и ждать, ждать!

И тут же снова заплакал: «Ну не пойду в группу!»

Читаю Сане басню «Квартет». Спрашиваю:

— Почему у зверей музыки не получилось?

— Не знаю... Может, контрабас поломался, батарейку надо новую вставить?

Да... С баснями я поспешила.

Подозреваю, что Саня температурит.

— Ну ка, что нам градусник скажет?

Саня в недоумении рассматривает градусник.

— Где же у него рот? Как скажет?

Зашли с Саней на выставку земноводных. Потрясённо разглядывал живого крокодила, варана, ящериц... Особенно впечатлил хамелион:

— У него даже руки есть... По дереву лазит..

И вдруг после всей экзотики увидел нечто знакомое. Кинулся к клетке с радостным визгом:

— Ой, лягушки —простушки!

Шарахнул по клавишам пианино —по басам:

— Вот так баба Света на бабу Зою сердится, что она глухая!

Путешествие в рай

2 года 10 месяцев.

Первое наше совместное путешествие — едем на Азовское море, в райский городок Геническ, к подруге «бабы Светы» — Галине Александровне. Дружат они уже столько, «сколько и люди не живут» — лет сорок, я дружна с её детьми, а Саня, надеюсь, подружится с её внуками. Дом «бабы Гали» в тридцати метрах от моря — море и должно стать нашим главным развлечением.

И вот Санька увидел море впервые в жизни. Набежавшая волна обдала его брызгами. Засмеялся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.